

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Ярослава Денисенко
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**ПЕПЕЛИЩЕ СЛАВЫ
ЗАКОН СИЛЬНОГО**





Ярослав ДЕНИСЕНКО

ЗАКОН СИЛЬНОГО

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д33

Серия основана в 2004 году
Выпуск 402

Художник
В. Федоров

Денисенко Я.
Д33 Закон сильного: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 472 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1121-4

Представьте, что вы — маг. У вас есть могущество, богатство, власть, роскошные вещи, роскошные женщины и привилегия быть всегда правым...

Помечтали? А теперь забудьте. Потому что вы родились в Стрелке — нищем районе, где правит грубая сила. Тут есть лишь два пути выжить: склониться перед бандитами, хозяевами здешних улиц, или стать одним из них. Надеетесь на магическую силу? Ха-ха! Она ваша главная проблема, ведь необученный маг смертельно опасен для себя и окружающих. Если о вашем даре проводят дипломированные чародеи, то уничтожат, как бешеную собаку. Но это не повод опускать руки. В семнадцать лет легко бросить вызов всему миру, открывшему на тебя охоту!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1121-4

© Ярослав Денисенко, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

В день Небесного Таинства жди беды. Известная примета, и сегодня я готов был прислушаться к ней в полной мере.

Вообще, я несуеверный. Слишком уж недолго маме довелось пугать меня страшными сказками про летучих пожирателей и чешуйчатых ящеролоудов, вылезаящих из Врат Семи Братьев за непослушными детьми. Если честно, она вообще любила другие сказки. Хорошие, добрые. Храбрые воители приходили на помощь к похищенным красавицам, а мудрые чародеи наставляли юных княжичей, сбившихся с пути. Я не помню мамино лицо, лишь ощущение любви, теплоты и бесконечной заботы. Увы, вся ее доброта не помогла от неведомой хвори, забравшей маму много лет назад. А может, окружающий мир просто выстудил тепло, и она угасла, словно свеча на холодном ветру. Мне не было тогда и шести. В сказках сиротам остаются в наследство предметы, которые оказываются могучими артефактами и помогают своим владельцам. Но это в сказках. А в жизни... Что может остаться от трактирной прислуги без роду и племени! Наверное, единственным «наследством» от родителей я мог назвать свой дар, от которого неясно чего больше — пользы или вечного огорчения. Злой обиды на то, кем бы мог я стать, появившись на свет по другую сторону реки, на территории Ниранского княжества. Но проклятое правило, не позволяющее учиться на мага тем, кто родился в Стелке, принадлежащей забытому звездами Рину, было, наверное, единственным ненарушаемым законом в обоих государствах.

Короче, я рос, подобно сорной траве, колючей и никому не нужной. За тем и прилипла ко мне кличка Чертополох, совершен-

но необходимая вещь для мальчишки с улицы, где вежливее в рожу плюнуть, чем назвать по имени. А вообще я Ксин. Ксилиян.

Но что-то я совсем размяк, ударившись в воспоминания. А это никуда не годится. Особенно в день Небесного Таинства. Можно вслед за астрологами объяснять это тем, что Небесный Отец Алаир восходит на ложе Элерии, Небесной Матери, и божествам резко становится не до того, чтобы следить за смертными с их мелкими делишками. У меня есть объяснение проще. Во все остальные дни растущее в неспраздности, а затем хуеющее в родах чрево Небесной Матери занимает полнеба, освещая улицы лучше любых фонарей!¹ Когда же не твориться разбою, грабежам, убийствам и прочему насилию, как не в столь редко наступающее темное время!

Золотой краешек Алаира медленно уползал за темный диск Элерии, и кошки скребли у меня на душе все сильнее и сильнее. Ящер и Трехпалый начали демонстрировать зубы еще месяц назад. До этого их занимали разборки с другими бандами, посолднее кучки мелюзги во главе с незрелым сопляком (это я о нас, если кто не понял). Но Черный Паук, их главный и злейший противник, зазнался настолько, что окончательно утратил связь с действительностью. Паук умудрился взбрыкнуть перед незнакомым чародеем, неведомо что забывшим в Стрелке, и от него осталась лишь кучка дурно пахнущего пепла. Не удивлюсь, если и я окажусь способен учудить подобное. Не пробовал. Мне, в отличие от заезжего чародея, щеголять своим даром отнюдь не с руки. Однажды я услышал мудреные слова «возмущение магического поля». Не знаю уж, какое такое поле и чем оно там возмущается, но, когда поблизости творится сильная магия, я это чувствую. И другие меня почувствуют тоже. После чего придет мне скорый и незавидный конец. Чародеи из Академии не оставляют в живых своих «диких» собратьев. Бесконтрольный маг для них вроде бешеной собаки, забежавшей на городской рынок. В чем-то они, наверное, правы, учитывая урон, который такой маг способен нанести. Только мне не легче. На тайные пробы сил я не решался после одного памятного

¹ Такой вариант религиозных воззрений возник в результате астрономических особенностей. Планета Тар-Алар (Старший Брат) является одним из семи спутников (Семь Братьев) планеты-гиганта Элерии (Небесная Мать). Раз в месяц Тар-Алар заходит в тень Элерии и происходит полное солнечное затмение (Небесное Таинство). Солнце называют Алаиром (Небесным Отцом).

раза, случившегося несколько лет назад. Хорошо, ума хватило уйти подальше от города. Когда я очухался, высоко на холме торчали обгорелые скелеты деревьев, а лужок, посреди которого я испытывал свой дар, вместо травы покрывал густой слой саж. Я отделался спаленными волосами и волдырями на правом боку и больше так бездумно не рисковал. Чародеев ведь в их Академии чему прежде всего учат? Сдерживать силу, направляя ее тоненькими ручейками по нужному руслу. Да их еще до Академии этому обучают! Каждый магически одаренный ребенок, чье рождение в Ниранском княжестве подтверждено документами, получал в случае нужды денежное содержание и возможность посещать особую школу. Хотя нужды обычно не возникало: большинство магов у магов же и рождаются. Жениться они предпочитают исключительно на своих и в лохмотьях босыми не ходят.

И все это причиталось бы мне, если бы не дурацкая река, поделившая один город между двумя государствами. Сейчас я важно расхаживал бы в зеленой мантии студента, и каждый простолюдин стелился бы передо мной ковриком... Ненавижу! Помнится, в свое время я всерьез заинтересовался подделкой документов. Глир Промокашка во мне души тогда не чаял. Под его руководством я выучился читать, писать, находить отличительные черты чужого почерка и выводить их недрогнувшей рукой. Так продолжалось до тех пор, пока я не узнал, что на документы о рождении ставится магическое клеймо, повторить которое не стоит даже мечтать, и к подделке бумаг тотчас охладел. Для смелого здорового парня существуют куда более почетные занятия на улицах Стрелки. Именно тогда я и взялся сколачивать банду.

Мне повезло сразу в двух смыслах. Во-первых, все серьезные главари были заняты взаимными разборками, и до путающейся под ногами мелочи им просто не было дела. А во-вторых, в самом конце моей родной улицы стоял Проклятый дом — полуразрушенный особняк, некогда принадлежавший чародею. В Стрелке вообще хватает всяких развалин. Поговаривают даже, что она куда древнее Подковы и когда-то здесь стояла крепость великих магов, которым ниранские даже в подмастерья не годятся. Ну да, при желании валы у моста можно принять за оборонительные насыпи, а Пьянчугину Пропасть — канаву, где, по местной ле-

генде, утонул, захлебнувшись помоями, пьяный скорняк, — за остатки древнего рва, соединявшего края речной излучины, внутри которой длинным языком, словно стрелка на лошадином копыте, в ниранский город вдавался лоскут чужой земли. Но я в эти рассказы не верю. Не могло и не может быть ничего великого и древнего ни в Стрелке, ни во всем занюханном Рине.

Что до Проклятого дома, то свое название он получил совсем не зря. Обычный человек не преодолел бы и тропинки, ведущей от ворот до входной двери. Вот тут-то и пригодился мой в целом опасный и бесполезный дар. Все магические ловушки, невидимые для простых людей, светились перед моими глазами, будто яркие огоньки. Большая часть дома оставалась все же недоступной: расплести сложные сети заклинаний, опечатавающих двери и окна, мог лишь ученый чародей. Но нам с ребятами вполне хватило двора и нескольких общих коридоров, чтобы обзавестись настоящей крепостью. Я заставлял ребят заучивать ловушки так тщательно, чтобы они могли их миновать хоть ночью с завязанными глазами. Впрочем, после случая с Попрыгунчиком, после которого тому пришлось сменить кличку на Костыля, желающих отлынивать от этой науки не было.

Когда число ребят в моей банде перевалило за полтора десятка и Проклятый дом был изучен настолько, чтобы обеспечить надежный тыл для отступления, мы принялись осторожно, не привлекая внимания, чистить прилежащие улицы от мусора.

Так уж получилось, что наша часть Стрелки не принадлежала никому из крупных бандитских главарей. Находясь между вотчинами Лиха Угря и Тарга Безухого, она выполняла роль нейтральной полосы, и хозяйничали здесь мелкие главари-однодневки, порой бесследно исчезающие вместе с бандами. Пьянчугина Пропасть глубока и зловонна, и разыскивать десяток-другой никому не нужных головорезов туда не полезет даже городская стража — крайне редкий в Стрелке гость. Мы избавились от Скользкого, Лисицы и Урагана. Ринд Бочонок первым испытал на прочность Проклятый дом (дом выдержал, Бочонок — нет). А потом была небезызвестная история со Свинорылом, после которой я с чистой совестью мог объявлять три прилежащие улицы своими. Когда ты завалишь, пусть ненамеренно и по дикому везению, такого главара, теряет значение то, что тебе всего шестнадцать, а другим ребятам из банды и того меньше.

Почти год мы наслаждались заслуженным покоем в нашей крошечной независимой вотчине. Не хочу показаться хвастуном, но три мои улицы были, наверное, единственным местом во всей Стрелке, где можно спокойно ходить даже пасмурной ночью и в Небесное Таинство, не опасаясь за жизнь и кошелек. Кое-куда, между прочим, и днем заходить не стоит.

И вот два месяца назад Черный Паук нарвался на мага. То, что от него осталось, еще не успели смести в совок и выкинуть с заднего крыльца трактира, а Трехпалый и Ящер уже делили «наследство». Паук не терпел соперничества, и после его гибели в банде не нашлось никого, способного ее возглавить. Усилившись за счет владений Паука, Трехпалый взял верх над Скелетом, а Ящер — над Вороном. Потом они сообща перебили хребет Пятнистому Коту, и никого из их бывших соперников не осталось в живых. Тогда-то и вспомнили они о зарвавшемся выскочке Чертополохе, раскидывающем свои колючие листья у самых границ их новых вотчин. Тут следует уточнить еще кое-что. Возможно, другие главари на этом месте предпочли бы для начала испытать на прочность своего союзника. Но Ящер и Трехпалый были единоклубными братьями. И потасканной старухе Нелии, хозяйке борделя у Козлиной горки, удалось привить сыновьям подобие представлений о братском долге. На полноценное родственное чувство оно не тянуло, но при мысли о взаимной разборке Трехпалому с Ящером становилось слегка неудобно.

А еще неудобнее становилось мне. С Пятнистым Котом — досужим лентяем и бабником, предпочитающим не шевелиться до тех пор, пока расслабившийся противник не зазевается настолько, чтобы очутиться на расстоянии прыжка от молниеносных острейших когтей, — отношения у меня были настороженно-нейтральные. Обаятельный толстяк, которого звезды наградили неведомой болезнью, покрывшей его кожу крупными белесыми пятнами, испытывал ко мне явную благодарность за избавление от Свинорыла, чаще других заставлявшего его отрываться от бесконечных гулянок и новых подружек. При желании Кот мог бы раздавить нас, но осторожничал, понимая, что мелюзга, завалившая Свинорыла, способна хорошенько попортить его лоснящуюся пегую шкурку. А еще ему было лень. Но теперь Пятнистого Кота сменили куда более нервные соседи.

В прошлое Небесное Таинство Ящер явился к старому Клауру, столяру-краснодеревщику, чей дом и мастерская стояли на перекрестке, за которым начиналась его новая вотчина. Не остались без внимания и булочник Нил, и Лисия-белошвейка. Для меня это оказались крайне неприятные дни. Одно дело — заявить на словах о своей власти над районом, и совсем другое — подтвердить это делом. Всеобщее воодушевление в честь моей победы над Свинорылом улеглось и потихоньку забылось. Жизнь района вернулась в привычную колею. А теперь представьте такую картину: тощий белобрысый парень семнадцати лет заявляет его обитателям, что защитит их от здорovuщего бандита, получившего кличку Ящер за то, что выдрал сердце у своего врага и сожрал сырым. Он и потом не изменил «милому» пристрастия к людоедству. Любимой привычкой у него было отрезать неугодным пальцы и медленно, со смаком обглаживать на глазах у бывших владельцев. Я обратил внимание — Лисия в течение всего разговора то и дело так и косилась на собственные руки. Еще бы — своими пальцами она зарабатывает на хлеб. И неплохо, между нами, зарабатывает. Ей не гнушались оставлять заказы даже чародейки из тех, что попроще. Время от времени Лисия даже подумывала, не перебраться ли ей в Подкову, но так и не собралась. Здесь, в Стрелке, она считалась за богачку, в Подкове очутилась бы на краю бедноты. А возможно, все дело было в том, что увядающая старая дева так и не оставила мечты добиться любви своей юности — кузнеца Мирта с соседней улицы, даром тот уже пять лет как овдовел. Но теперь, что бы ни задержало Лисию с переездом, гордость или кузнец, было поздно. Ящер счел бы это личным оскорблением и нашел способ добраться до ускользнувшей добычи, невзирая на границы.

Лисия, Клаур, Нил и остальные жертвы притязаний Ящера глядели на меня, не веря, что я способен остановить это чудовище. Кажется, они попросту не понимали, что выбора у меня нет. Я видел это в поникших плечах, в виновато ускользающих взглядах. «Да, хороший парень Ксин Чертополох и в доску свой. Помним тебя еще с тех пор, как бесштанной мелюзгой мельтешил у нас под окнами. Ты был меньшим злом из всех возможных. Но теперь игрушки кончились. Так что беги, покуда цел, да покрепче глаза ладошками зажми, чтоб не видеть, как взрослый дядька Ящер будет расставлять нас в позу!»

Я просто кипел от бешенства и едва не сорвался на крик, одернув себя лишь в последний момент, прекрасно понимая, что, орущий в бессильной злобе, лишусь остатков солидности. До нелепости мерзкая ситуация! А ведь именно то, что они так хорошо меня знали, и заставляло их сомневаться в моих силах. В конце концов, тот же Ураган был немногим старше. Но его уважали и боялись. Еще бы, если тот мог полоснуть ножом лишь за то, что морда не понравилась. Настоящий главарь, куда там отходчивому добряку Чертополоху! Неужели так и устроено в жизни: чтобы завоевать уважение, надо кого-то убить, ограбить, изнасиловать, унижить? И повторять это без конца, каждый день, чтобы не забыли? Я вот убил — Свинорыла. Который именно этим и занимался. Оказался сильнее того, кого считали сильным. Неужели недостаточно? Неужели то, что у Чертополоха есть колочки, надо попробовать именно на своей шкуре?!

— Соскучились по злым ублюдкам, которые мигом напомнят вам, что такое главарь района? — недобро поинтересовался я, изо всех сил сохраняя видимость спокойствия. — И что сделать для того, чтобы вас развлечь? Подпалить тебе сарай с материалом, дядька Клаур? Или разложить по скамьям твоих учениц, Лисия, да поиметь всей бандой? Ящер, к которому вы все готовы бежать на поклон, именно так и поступит. Просто чтобы поразвлечься.

— Не сердись, Чертополох, — вмешался булочник. — Не думай, что мы не ценим доброго отношения. Ведь после смерти Свинорыла мы исправно платили тебе откуп. Ты главарь района, но...

— Правда, дядька Нил? А мне показалось, по старой памяти — пирожками подкармливали. Или думаешь, я не знаю, что Свинорылу платили вдвое больше моего? А вот поднажми я тогда, глядишь, сейчас людей было бы поболее. Всему есть предел. Это мои улицы. Ящера я сюда не пущу. И всякий, кто вмешается в наши с ним дела, поплатится за это. Ваш интерес тут — благополучие, а мой — голова. Вот и думайте, на что я способен, чтоб сохранить ее на плечах. Услышу, кто заплатил ему откуп, — пеняйте на себя.

Расходились люди, вдвое более хмурые и задумчивые, чем собирались. Я знал: в этот день что-то сломалось в моих с ними отношениях. Навсегда. Они поняли, я не шучу. Вот так вот — был хороший парень Чертополох, свой в доску, да весь вышел.

Несколько дней они еще надеялись, что я, как уже бывало, остыну и отойду. Не отошел. Сутками напролет ребята дежурили на границе, отслеживая каждое подозрительное движение. Я ставил туда пришлых, ребят, прибившихся к банде из соседних районов, прослышав о том, что Ксин Чертополох не заставляет младших воровать и попрошайничать, как это часто водилось у других главарей. Пришлые не могли знать, как булочник Нил, смахнув муку с засученных рукавов, бывало, украдкой манит к себе, чтобы сунуть в руку горячий масляный пирожок. Они не гоняли по лужам выструганных Клауром корабликов и не ели по праздникам леденцов, которые набожная Лисия, возвращаясь из храма, накапливала на радость уличной детворе. Пришлые не могли проявить слабинку, поддавшись воспоминаниям о былом добре.

Лишь Подсолнух и Тай знали, чего мне стоило в эти дни не проявить ее самому. Подсолнух предпочитал больше молчать, но по задумчивому выражению, не покидающему его конопатую физиономию, я понимал: он чувствует то же самое. В конце концов, мы оба знали, на что шли. Тай же, видя мое убитое состояние, зажала себя в кулак, преодолевая отвращение к близости мужского тела, что поселилось в ней после знакомства со Свинорылом, в тот же вечер подошла ко мне и робко погладила по плечу. Дальше этого дело не пошло, но в мрачный хор тяжелых мыслей вплелась еще одна: никакое внимание и сдержанная ласка не дали мне получить того, что подарила беда. Почему человек устроен так, что хорошее никогда не подействует на него с такой же силой, как плохое?

Темнело. Пик Небесного Таинства приходился в этом месяце на день. Один за другим зажигались в окнах теплые оранжевые огоньки. Ночью бедные районы предпочитали спать, не расходуя свечи и масло, но потеря целого дня обходилась дороже. С ограды Проклятого дома, расположенного на вершине холма, вид на погружающийся в темноту город был весьма захватывающим, но мне он не приносил никакой радости.

— Думаешь, придут? — окликнул меня Подсолнух, бесшумно подкрадываясь из-за спины.

— Вот дурак-то, — огрызнулся я, пряча нож, сам собой очутившийся в руке. — А если б ударил? Конечно, придут. Вопрос лишь в том, один будет Ящер или прихватит брата с собой.

— В Проклятом доме мы могли бы продержаться против обоих, — заметил мой старинный приятель как будто невзначай.

Я разозлился окончательно:

— Слушай, кончай уже корчить придурка, а! Сам понимаешь, мы не можем отсидеться. Точнее, можем. А что потом? Ящер отыграется на всем нашем бывшем районе. Я даже не говорю о том, чего будет стоить слово Чертополоха после такой «защиты». А кормиться мы с чего будем? Ударимся в грабежи и разбой? Тогда к чему было ждать три года? Могли бы сразу набрать уродов без возницы в голове, не привередничать с людьми. Глядишь, сейчас с Угрем бы да Безухим за одним столом обедали.

Не знаю, к чему привел бы этот разговор, не поднимись на стену Тай.

Тай появилась в банде полтора года назад. Она была единственной, к кому так и не прилипла ни одна кличка — лишь сократилось высокомерное Тайлика до простого, свойского варианта. Первое время ее звали было Недотрогой, но после истории со Свинорьлом, когда кличка стала окончательно соответствовать делу, заткнулись. Знали, я первый затолкаю язык в глотку тому, кто произнесет это слово, заставляющее Тай вздрагивать, будто от удара, срываться с места и бежать в дальний уголок, вновь и вновь переживая все, что довелось ей испытать в руках покойного урода, сдохшего непозволительно быстро.

Порой ребята посмеивались над тем, как я веду себя с Тай. Кое-кто прямо намекал, что я дурак и упускаю лучший способ убедить девушку в том, что ничего она не потеряла, а только лишь приобрела. Да, я понимаю, для Стрелки, где каждый передел между бандами знаменуется праздничным разгулом на отвоеванных улицах, это выглядит глупо. На здешних свадьбах заполучить невесту, не побывавшую до того в чужих руках, а то и не в одних, — случай крайнего везения. Местные девушки глядят на эти вещи просто: предпочитают заблаговременно навеститься к травнице Алире и запастись средствами от нежелательных последствий. Но Тай не здешняя. Полтора года назад она пришла из Подковы, не имея ни малейшего представления о нравах Стрелки. Ей повезло: одним из первых на правом берегу девушке встретился Подсолнух, он-то и проводил ее к нам. Тай — другая. Просто невозможно подходить к ней с теми же мерками, что к остальным девчонкам банды. К любим другим девчонкам вообще.

— Я боюсь за вас, ребята, — тихо проговорила Тай, касаясь ладошкой моей руки. Ее присутствие лишило меня всякой охо-

ты ругаться с Подсолнухом. — Если вы... Если вас... Что будет со всеми остальными? Неужели никак нельзя избежать этого боя?

Я осторожно приобнял ее за плечи. Тай напряглась, сжимаясь в комок. Потом немного расслабилась. Это было большее, до чего продвинулась наша близость за последние дни. Огромный шаг по сравнению с временами, когда девушка шарахалась от каждой упавшей на нее тени.

— Ничего хорошего не будет, — ответил я. — Именно потому боя нельзя избегать. Мы покончим с Ящером раз и навсегда. Мы останемся живы, а он нет. Это я тебе обещаю.

За спиной послышалось насмешливое рукоплескание.

— Bravo, bravo! — Змейка, девушка Подсолнуха, продемонстрировала свой ядовитый язычок. — Я еще до седых волос не доживу, как вы двое поцелуетесь.

Маленькая, гибкая, злая, Змейка полностью соответствовала своему прозвищу. Понятия не имею, как они с Подсолнухом до сих пор не поубивали друг друга, но это уж не мое дело. Лучший в банде мастер дальнего боя — в шустрых Змейкиных ручках в метательное оружие превращалось все, что угодно, — недобро зыркнула в сторону Тай.

— Чем хныкать, лучше б научилась чему полезному, — шикнула Змейка, с лязгом разворачивая между пальцами два веера ножей и таким же отработанным движением пряча их обратно.

Тай одарила ее непередаваемым взглядом синих глазищ и двинулась прочь, гордо выпрямив спину. Похоже, на тайном женском языке между ними было сказано куда больше, чем дано нам понять. Так же как не понять причин взаимной лютой неприязни.

— Подсолнух, а у нее правда язык раздвоенный? — спросил я друга.

Змейка зашипела, словно рассерженная гадюка.

— Сейчас станет таким у кого-то другого, — пообещала она, продолжая играть ножами. — И чего ты нашел в ней, а, Чертополох? Она ведь дура набитая, твоя зачарованная княжна. Но вообще я не с тем пришла. — Змейка мотнула головой. Толстая черная коса взметнулась в воздух, перелетая с одного острого, хрупкого плеча на другое. — Я о чем подумала. Проклятого дома Ящеру не взять. Ни одному, ни с братом. Может, пока не поздно, собрать людей сюда? Ну, как в настоящую крепость в осаде. И Ящер до них не доберется, и нам с обороной легче будет.

— Я тоже об этом думал, — сказал я. — Так не пойдет. Во-первых, мало припасов. Во-вторых, мало места. Во дворе будет теснее, чем на Княжьей площади в день принародной казни. В-третьих, ловушки. Будешь посылать по человеку с каждым сопляком, которому вздумалось до ветру? Ну и в-четвертых, это у нас вещей — лишь портки с рубахой на смену, ложка с миской да оружие. Вот как пожжет Ящер дома снаружи, куда возвращаться? Да тот же Клаур. У него одного ирганского дерева запас — полон сарай. Не считая инструмента. Куда тащить? И так у всех мастеров. А еще свиньи, куры и прочая скотина...

Змейка сконфуженно покраснела. Это была единственная вещь в мире, способная загнать нашу маленькую воительницу в краску, — указание на совершенные ею ошибки.

— Не подумала, — вздохнула она. — Забыла. Значит, нам хочешь не хочешь придется драться на улице. Плохо.

— Да ладно, Змей, — вмешался Подсолнух. — Как будто в первый раз. Вон Свинорыла вообще в его собственном логове придавили.

— Это ты меня, что ли, утешать?! — мгновенно взвилась девушка. — Ты меня с кем путаешь? С кое-кем кудрявым и бело-брысым? Я что, по-твоему, боюсь, что ли?

Друг вяло отбивался от обрушившихся на него десятков обвинений в самых противоестественных поступках (сам виноват, стройные ножки у девчонки, конечно, важная вещь, но иногда стоит глядеть и на остальное тоже — например, на характер), а я всматривался в темноту, пытаюсь обнаружить признаки Ящера и его головорезов. Нынешнее Таинство выдалось темным как никогда. Шестерых Братьев либо не было видно совсем, либо они ушли настолько далеко, что немногим выделялись своей яркостью среди окружающих звезд.

Отдаленный пересвист положил конец моим бесплодным попыткам. Подсолнух со Змейкой тотчас прервали скандальное выяснение отношений.

— Идут, — сказал друг.

Я коротко кивнул на ходу, сбегая по лестнице вниз.

Наши уже собирались во дворе. Полностью готовые, они ждали лишь указаний, куда кому двинуться. Все-таки не зря я отказался в свое время от принятого в бандах обычая: младшие промышляют воровством и милостыней, доказывая свое право

на участие в серьезных делах. Мы жили исключительно на дань, собираемую с жителей вотчины. Я считал это справедливым обменом. Ведь платят же купцы наемным охранникам за то, чтобы их обозы оставались в целости. Тут то же самое, разница лишь в том, что грань между «разбойниками» и «охранной» получалась довольно размытой, да и по доброй воле никто нас не нанимал. Но тем не менее свою часть обязательств, касающуюся защиты от других банд, я собирался выполнять честно. И готовил из ребят исключительно бойцов с того возраста, с которого они попадали ко мне, не тратя драгоценное время на другие занятия. Такой подход уже принес пользу в истории со Свинорылом. Никто не ожидал от толпы четырнадцати-пятнадцатилетних подростков того, что, ворвавшись в его логово, они с легкостью порежут взрослых бандитов, державших в страхе все окрестные улицы. А ответ был прост. Люди Свинорыла расслабились в праздной безнаказанности, изредка вступая в мелкие стычки с такими же разленившимися бойцами из банды Пятнистого Кота. Они давно доказали всем свою силу, а перепроверить это ни у кого и мысли не возникало. Конец Свинорыла был предreshен. Не я, так кто-то другой, такой же молодой и наглый, нанес бы разжиревшему чудищу смертельный удар. А мы уже тогда представляли собой сплоченный отряд, закаляющий умения постоянными упражнениями. Не зная, как взаимодействуют и тренируются бойцы княжеской армии, мы на ходу изобретали способы — я, Подсолнух, Змейка и несколько других старших ребят. Результаты потрясли нас самих, ведь нападение на Свинорыла не планировалось заранее.

Но Ящер — другое дело. Его банда только что пережила несколько серьезных войн и жирок, если таковой имелся, подрастрясла. Их было больше, и каждый из них в целом был сильнее. Бой предстоял нешуточный и кровопролитный. А тут еще и Трехпалый, маячащий на горизонте! Хвостатые звезды! Как же отвратительно все складывается!

Запретив себе даже думать о возможном поражении, я принялся отдавать команды:

— Змейка! На тебе крыши с той стороны. Ящер наверняка притащит стрелков. Обойдешь по тылам и снимешь их. Костыль! Прикрываешь с нашей стороны.

Костыль, бывший Попрыгунчик, проводил скрывающуюся в темноте Змейку завистливым взглядом. Когда-то это было его любимое занятие — захватывающий поединок в скрытности, хитрости и меткости в многоуровневом сплетении городских крыш. После того как одна из магических ловушек Проклятого дома отхватила ему ступню и половину голени, большее, на что Костыль оказался способен, — вскарабкаться по приставной лестнице на удобную позицию, сменить которую по ходу боя будет уже невозможно. Но стрелял он, надо признать, отменно.

— Подсолнух! На тебе телеги. Потом уходите переулками — и в тыл Ящеру. Щука! Остаешься в Проклятом доме за главного. Если кто прорвется, бейте без жалости.

Щука, долговязый тринадцатилетний парнишка, деловито кивнул, проникаясь важностью полученного задания. Я-то знал: «прорвется» кто-нибудь лишь в том случае, если мы ляжем все до последнего. Лично я рассчитывал выжить и победить. Просто выбора не было. Но мелюзга под предводительством Щуки заметно приободрилась — остаются в логове они не потому, что годами не вышли, а с важным наказом.

Ну а мне осталось единственное занятие главаря: идти с основной частью банды в старинное уличное развлечение «стенка на стенку».

На перекрестке нас встретили радостными криками разведчики, уже занервничавшие при виде факелов, колышущейся стеной огня надвигающихся с другого конца враждебной улицы. В окрестных домах было пусто. Не ожидая от дня Таинства ничего хорошего, жители покинули их, разбежавшись по друзьям и родственникам. Лишь горели цепочкой костры, размечая границу между вотчинами двух банд.

С крыши сдержанно свистнул, сообщая о готовности стрелков, Костыль. Но его время пока не настало. Первым должен был начать Подсолнух с подготовленным нами сюрпризом.

Факелы приближались. В их дрожащем свете блестели полубнаженные тела, натертые маслом для затруднения захватов. Сам Ящер, впрочем, носил кольчугу, как и ближайшее его окружение, облаченное в разномастные, но все же доспехи. Вот ведь гадство! В логове Свинорыла мы добыли несколько кольчуг, кирас и бригантин, но лично мне ничего, кроме раздражения от общей тяжести и неудобства, они не давали. Ни уверну-

ться толком, ни атаковать. Стой и жди, когда тебе сунут нож под какую-нибудь пластину. Так мы их и использовали: обряжали новичков в это сомнительное великолепие и гоняли до полусмерти. Потом, избавленные от лишнего груза, они едва не порхали, заметно прибавив в силе и скорости.

Но вот Ящера, похоже, кольчуга ничуть не стесняла. Ну да, он ведь вообще сильнее меня, поскольку старше лет на десять. Гадство! И вряд ли телохранители — а бронированные бойцы наверняка с этой целью его и окружили — будут вежливо ждать в сторонке во время поединка. Ладно. Посмотрим еще, чем окончится наша с Подсолнухом военная хитрость. Ведь как раз посерединке двигаются. Хорошей такой кучкой, плотной.

— Зажигай, — охрипшим от волнения голосом приказал я и тут же мысленно выругался. Не пойдет так. Не должны ребята догадаться, что у главаря их поджилки трясутся не хуже, чем у остальных.

Вспыхнули факелы, освещая наше немногочисленное «войско». Даже зная, что половина ребят затаилась по дворам и переулкам, сложно было поверить в серьезность нашей затеи драться с этими лоснящимися здоровяками. Наступал самый неприятный момент. Ящер должен убедиться, что мы осознали наконец, насколько не в нашу пользу сравнение. Ящер — но не мы.

— Значит так, — шепотом сообщил я ребятам. — Если кто драпанет всерьез, Костыль с крыши придаст скорости. Болтом пониже спины. Как опущу факел, начинаем.

Дождавшись, пока мои слова обойдут всю цепочку, я подал сигнал.

Ровная линия бойцов заколебалась, расстраиваясь. Ребята пятились назад, будто в замешательстве, ускоряясь с каждым шагом. На людей Ящера наше отступление подействовало, как вид бегущего воришки на сторожевого пса. Не дожидаясь команды главаря, они ринулись в погоню, уходя с перекрестка в узкий желоб улицы, стиснутый со всех сторон стенами и заборами.

«Хромает у тебя дисциплина, Ящер, — злорадно подумал я. — На все четыре ноги!»

Сегодняшняя крошечная темнота давала одно большое преимущество: разглядеть, что творится за пределами освещенного факелами пространства, было совершенно невозможно.

От предостерегающего свиста за спиной мы бросились врассыпную. Иначе имели все шансы оказаться размазанными по земле. Из темноты прямо на врагов вынырнул передок груженной камнями телеги. От Проклятого дома местность шла под хороший уклон, позволивший повозке набрать скорость. Люди Ящера зазевались всего на несколько мгновений, но этого хватило. Наехав колесом на тело сбитого бандита, телега накренилась и завалилась набок, развалив по дороге содержимое, также способное причинить немало хлопот. Особенно неповоротливыми оказались обладатели доспехов. В какой-то момент мелькнула у меня дикая надежда, что и сам Ящер не избежит спускающегося с горы убийственного снаряда... Успел. Отскочил. В самый последний момент ушел перекатом, достойным балаганного циркача. Но двоих из четверки телохранителей зацепило, и крепко. Возможно, даже насмерть.

За первой телегой последовала вторая, с результатом более скромным. Неожиданность была утрачена, и морального урона враг, вынужденный в очередной раз прыгать, уворачиваясь от булыжников, понес больше, нежели телесного.

Зато Костыль не подкачал. Стрелки вступили в бой, едва снизу понеслись проклятия и стоны пришибленных телегой бойцов Ящера. В первую очередь целили по обладателям доспехов как самым опасным противникам. Попал в число первоочередных мишеней и вражеский главарь. Два болта засело в его кольчуге: из легкого маломощного арбалета, любимого оружия городских убийц, пробить хорошо сработанный доспех сложно, а другого таким, как мы, взять было неоткуда. Третий чиркнул по ноге Ящера, не причинив ему особого вреда. Меньше повезло телохранителю. Пока тот, злобно шипя, скакал на одной ноге, поджав пришибленную камнем вторую, незамеченный арбалетчик сверху положил болт точно ему в шею.

На второй выстрел Костылю не хватило времени. Оживились люди Ящера, занимающие дома напротив, и стрелкам пришлось выяснять отношения между собой.

— Вперед! — заорал я, взмахнув факелом.

Ребята выскочили разом: из окон, с невысоких крыш — из всех щелей, какие только можно было отыскать. Не давая врагу опомниться и подсчитать количество нападающих, мы бросились на помятое войско Ящера. В тот момент им должно

было казаться, что нас много, как ос в потревоженном гнезде. Не дать им в этом разубедиться являлось теперь основной нашей задачей.

Затрещали заборы, разобранные на отдельные щиты. Получившиеся передвижные укрытия служили той же цели: невозможно было оценить на глаз, один за ними человек или несколько, хлипкие это подростки, едва начинающие брить усы, или здоровущие амбалы навроде княжеских гвардейцев. Завтра жители этой улицы точно не скажут нам спасибо за учиненный разгром. Сегодня же главное — чтобы это завтра наступило.

Я стремился к Ящеру, но налетел на меня его последний живой телохранитель. Короткий меч в руке выдавал нездешнего. Не приживается такое оружие на городских улицах. Я презрительно фыркнул, сматывая с левой руки четыре оборота цепи с грузом на конце. Есть у нас что противопоставить длине твоей железяки.

Свистнул вспоротый воздух, и колючее жало моего оружия пропахало длинные борозды в толстом кожаном рукаве, зацепив и руку под ним. Я сам делал этот подвес, залив свинцом ножевые лезвия, остриями наружу.

Выпад меча я встретил той же цепью. Поддернул, закрепляя, когда гибкие звенья намотались на клинок, и ткнул факелом, что был у меня в правой руке, прямо в бородатую рожу. Да, я ведь, кажется, не говорил, что я левша? Вот и боец Ящера не сразу разобрал, в чем дело. Отшатнулся с воплем проклятия, и тотчас же со спины на него напрыгнул Хорек, одним движением вскрывая горло. Освободив цепь от мертвого груза, я успел от души заехать по руке парню слева — та мгновенно обвисла, располосовать кому-то морду, и лишь после этого меня вынесло к самому Ящеру.

Привычным жестом я поднял запястье, сматывая цепь, отмахнулся этим своеобразным наручем от кого-то сбоку (тем парнем занялся Щепка, больше я на него не отвлекался) и потянулся за ножами. Мое любимое оружие хорошо против бездоспешных соперников, в кольчуге же расходящиеся острия имели все шансы засесть намертво. Пришлось обратиться к паре длинных, в локоть, ножей. Ящер был вооружен так же, но назвать это равенством не поворачивался язык: он-то мог пырнуть меня куда угодно. Ну и ладно. Зато я шустрее.

Краем глаза я успел отметить, как Щепка с Хорьком и еще несколько бойцов встают у меня за спиной, прикрывая от возможных неожиданностей. Спасибо, ребята. Ящер — не тот противник, от которого можно отвлекаться.

Он прыгнул первым. Небесные Братья, до чего ж он быстрый при такой тяжести и тяжелый при такой скорости! Было бы безумием блокировать его удары. Больше, что я мог, — это слегка отводить их направление, заставляя его ножи скользить по своим. Кометы хвостатые! Так я выдохнусь скорее, чем успею что-то сделать!

Я промахнулся совсем чуть-чуть. Целил в шею, но Ящер увернулся. Не будь на нем кольчуги, что-нибудь я ему да пропорол бы. С порезанными жилами под ключицей тоже долго не живут. Но лезвие соскользнуло по железной чешуе, не причинив противнику вреда.

Его выпада я не заметил — скорее почувствовал. И уклонялся тоже по чистому наитию. Но все равно не успел. Что-то холодком пронеслось по правой руке. Похоже, царапнул. Чепуха. Но даже эта мелкая победа заставила губы Ящера растянуться в кровожадной ухмылке.

Так мы с ним и кружили, уклоняясь от ударов, способных стать смертельными. Но если мои промахи не грозили ему ничем, кроме синяков, то меня он вполне мог достать, хоть и не так серьезно. Я уже плохо отслеживал, что творится вокруг. Убью Ящера — его бойцы разбегутся сами. Успел лишь заметить мелком взлохмаченные рыжие космы Подсолнуха. Пришли, значит. Хорошо.

Внезапно раздавшийся свист перекрыл шум потасовки. Я вертел головой по сторонам, пытаясь понять, в чем дело. Ящер не преминул этим воспользоваться, но я блокировал удар... Точнее, думал, что блокировал. Мой нож вывернулся из тяжелых, непокорных пальцев и упал на землю. Клинок Ящера, почти не изменив направления, глубоко полоснул меня по правому бедру. Я с удивлением посмотрел на правую руку. Там, где по моим ощущениям был мелкий порез, зияла огромная, до кости, рана. Слышал я о таком: в пылу боя можно не заметить, как вообще без руки останешься. Теперь вот убедился. На собственной шкуре.

Улыбка Ящера сделалась еще шире. Так вот чему ты, гад, так мерзенько ухмылялся... С хладнокровной, какой-то отстранен-

ной уверенностью я осознал, что кончать его надо немедленно. И так же четко понял как. Да, прямо сейчас. Пальцев на немеющей руке я уже не чувствовал, будем надеяться, она хотя бы не подвернется в решающий момент... Будто бы освобождая от нагрузки раненую ногу, я шагнул влево. Ящер качнулся вслед за мной, перенося вес вправо, и в тот же момент я рыбкой нырнул вдоль его тела параллельно земле, перекидывая оставшийся нож на обратный хват. Правая рука послужила опорой для дальнейшего движения, во время которого левая распрямилась в стремительном броске, пронзая ножом кожаную ластовицу в подмышке кольчуги.

Кровь хлынула горячим потоком. Не темная, как та, что заливала мою руку, а живая, алая. Понимая незавидность собственного положения, Ящер пытался как мог пережать рану. Ему было уже не до поединка, но улице чуждо великодушное благородство. Шатаясь, я поднялся с земли, разматывая цепь. Он понимал, что это конец. Но встретить его достойно было выше его сил.

Однажды в Стрелку забрел странствующий философ — сеять вселенское добро. Давать всходы на нашей неблагодарной почве вселенское добро отказалось. В тот же вечер у философа вытащили кошелек, а под утро гостиничные вышибалы выставили неплатежеспособного клиента вон, хорошенько отколошматив. Больше его не видели. Но мне запомнилась его пространная речь о том, что каждому в итоге воздается по делам. Не знаю, может, и впрямь была какая-то высшая справедливость в том, чтобы трясущийся, роняющий слезы Ящер выглядел перед смертью таким же жалким, как его запуганные жертвы. Я был ранен и слишком устал, чтобы размышлять о чем-то, кроме желания скорее покончить со всем этим.

Хороший удар в висок положил конец Ящеру и этой битве. Оставшись без главаря, его бойцы справедливо рассудили, что самым мудрым для них будет убраться поскорее. И они бы, несомненно, последовали этому решению, если бы не звучный голос, раздавшийся откуда-то сверху:

— А ну стоять!

Требование подтвердилось целым ливнем стрел, положивших самых ретивых, посчитавших слова недостаточной причиной для послушания. Я обернулся в полном недоумении: тако-

го количества стрелков не было у нас со свежепреставившимся Ящером, вместе взятых.

Трехпалый стоял на крыше пекарни в окружении телохранителей, а по сторонам от него цепочкой расположились арбалетки и пращники.

— Ай-ай, какие недобросовестные бойцы! — продолжил он свою глумливую речь. — Вашего главаря убили, а вы бежать? Отомстите за его гибель. И, возможно, я сохраню вам жизнь во имя светлой памяти моего покойного брата.

В голове у меня начинала вставать полная картина происходящего. Трехпалый всегда был сообразительнее Ящера. И, похоже, наконец-то разыскал способ избавиться от родственника, не терзаясь угрызениями совести. Надо было всего лишь подождать, пока его не прикончит кто-нибудь другой.

Банде «светлой памяти брата» хотелось продолжать драку не больше нашего. Но Трехпалый не оставил выбора: либо вести резню ему на потеху, либо погибнуть немедленно под стрелами его бойцов. А возможно, кто-то наивно верил, что брат главаря исполнит обещание и сохранит им жизнь. Чепуха! Просто Трехпалый не столь глуп, чтобы выставлять свои пороки на всеобщее обозрение. На самом же деле Ящеру с его людоедством до жестокости брата было как мальчишке, из любопытства обрывающему лапки жучкам, до палача-дознавателя из городской тюрьмы.

— Давайте же, покажите мне достойное зрелище, — напутствовал Трехпалый самым задушевым тоном. У него и впрямь был сегодня праздник: еще бы, одним махом избавиться от надоевшего бестолковостью братца и растущей под боком нахальной колючки Чертополоха!

— На себя полюбуйся! В зеркало! — послышался звонкий голосок с противоположной стороны перекрестка.

Болт прилетел из темноты одновременно с напутствием. Никто его не ждал и отреагировать не успел. Змейка мазала крайне редко, и попал он Трехпалому прямоком в глаз. Увы, на излете его убойная сила была уже невелика. Вопреки всеобщему чаянию, он не расколол главарю череп. Даже не пробил.

Защелкали тетивы арбалетов. Маленькая фигурка с длинной косой метнулась на фоне звездного неба и исчезла, скрываясь за широкой печной трубой. Змейка была в ловушке. Слিশ-

ком много времени требовалось для того, чтобы добежать до края крыши. Гораздо больше, чем нужно стрелку, чтобы перевести прицел и спустить тетиву. Как всегда, отчаянная воительница понадеялась на удачу. И на этот раз она ее подвела.

— Взять ее! — не своим голосом взревел Трехпалый, заполучивший новое отличительное увечье, вырывая болт из зияющей окровавленной глазницы. — Живой взять! Приведите мне эту мелкую шлюху! — Вне себя от ярости и боли, главарь уставился вниз уцелевшим глазом. — Что застыли столбами?! Я сказал, сражайтесь! Выпустите потроха зарвавшимся сорнякам! А вы что толпитесь, бараны безмозглые?! Забыли, зачем пришли? — Это он орал уже своим бойцам, замешкавшимся у края крыши.

Приутихший было бой разгорелся по новой. Теряя силы с каждым мгновением, я чувствовал, что цепь в руках движется все медленнее и бьет слабее. Меня качало из стороны в сторону, в глазах то темнело, то прояснялось до неестественной четкости. Иногда мне всерьез начинало казаться, что не груз вращается вслед за движениями моей руки, а я верчусь вокруг него, настолько кружилось и плыло все у меня в голове. Иногда мутнеющее сознание выхватывало куски окружающей действительности, и происходящее все больше приобретало черты кошмарного бреда.

Вот приступил к действию Костыль, до сих пор не спешивший выдавать свое присутствие. В отличие от Змейки он был совершенно не склонен к демонстративному героизму, работая хладнокровно и четко. Из пятерки самых исполнительных людей Трехпалого, бросившихся на поимку нашей боевой подруги, перекрестка не преодолел никто. Костыль опередил даже Подсолнуха, с воплем «Змейка!» расшвырявшего наседающих на него противников и метнувшегося в одиночку наперерез всем пятерым. Выстрелы с крыши пекарни прервали этот отчаянный рывок. Стрелкам же Костыля следующим залпом пришлось снимать карабкающихся к ним людей Трехпалого, а на следующую перезарядку времени им уже не хватило. На крыше мастерской Клаура, где они сидели, всюду шла рукопашная, и мы лишились даже той малости, что могли дать четверо наших арбалетчиков против полутора десятков Трехпалого.

Мы проигрывали. Вот делся куда-то Щепка, прикрывающий меня справа, а на его место заступили трое бойцов Ящера.

А может, Трехпалого. Уже не разберешь, все они лезут, разом. И Хорька не видать, и Подсолнух лежит на перекрестке, где настигли его вражеские выстрелы, и некому остановить четверку, что карабкается за Змейкой по скользкому уклону крыши...

Я не сразу отличил это легкое, напоминающее щекотку покалывание от других странных ощущений, вызванных кровопотерей. А когда понял, что это такое, то успел даже подумать, как смешно было называть ситуацию плохой пару мгновений назад. Тогда она была вполне себе сносной. А плохой она станет, когда выйдет из-под контроля мой растревоженный дар.

Видимо, происходящие со мной изменения как-то отражались внешне — наседающие враги отпрянули, словно я превратился вдруг в монстра с колдовских болот. Ну да, как же! Успеваете вы убежать, когда неуправляемая магия разнесет здесь все! Не спрашивайте откуда, но я точно знал: стоит ей вырваться, и ничего живого не останется до самого Проклятого дома.

Словно со стороны, наблюдал я, как рушится невидимая преграда, удерживающая ревущую стену огня. Зрение словно разделилось на две половины. Одна любовалась стихией магических потоков, перед второй взметались пламенными столбами волны жара. За какие-то доли мгновения большая лужа, знаменитая тем, что не высыхала даже в самую затяжную жару, закурилась белым паром, вскипела пузырями — и исчезла, как будто ее и не было. Оставшаяся на ее месте грязь недолго напоминала о пропавшей достопримечательности. Похожая на корку поверхность трескалась на глазах, и в щели проступали раскаленные алые ручейки.

Жутковато преобразившаяся лужа была не единственным местом, где почва плавилась, не выдерживая жара. Наверное, так выглядит поверхность Огненного Брата, безжизненного мира вулканов. Потeki и лужицы жидкого огня на глазах расширялись, сливаясь в единое озеро. От жара занимались пламенем деревянные ставни и рамы на окнах, уцелевшие заборы и покрытые дранкой крыши. Шагов на двадцать вокруг меня сохранился небольшой островок спокойствия, за пределами которого бушевал первозданный хаос во всей его дикой красоте.

Это рассказываю я долго, на деле превращение улиц в подобие гигантской головни с извивающимися дорожками огня на серебристо-пепельной поверхности не заняло и нескольких

мгновений. Позабыв о распрях, люди спасались бегством, но, по правде, это было совершенно бесполезно: границы бедствия расширялись гораздо быстрее. То и дело кто-нибудь попадал в магический сполох, вмиг загораясь огромным живым факелом. Свои там были или чужие, оставалось лишь гадать.

Это был конец всему: банде, району, мне самому. К звездочету не ходи — в Академии на той стороне реки уже поднимают по тревоге боевой отряд. И тут до меня наконец-то дошел самый простой и доступный способ все это остановить. Странно, что никто другой до сих пор не додумался. Наверное, сработало отношение к магам как к чему-то непобедимому и всемогущему. Еще бы! Защиты настоящего чародея не то что из арбалета — из аркбаллисты не пробьешься! Никому и в голову не пришло, что сорной траве Чертополоху из звездами проклятой Стрелки негде выучиться всем этим премудростям и щиты он ставить не умеет.

Разыскав взглядом один из своих ножей, валяющихся на земле, я шагнул туда. Точнее, шатнулся и завалился. Слепо шаря в пыли здоровой рукой, я нащупал рукоять этого последнего ключа ко всеобщему спасению. И в этот момент мне сделалось страшно. Непередаваемо страшно. Пусть астрологи в храмах твердят, что наши дни здесь всего лишь начало бесконечного пути. Назвать мою недолгую жизнь праведной нельзя никак. А теперь попробуйте заняться простым подсчетом. Раз в месяц Небесная Мать перерождает одну достойную душу к вечной жизни среди звезд. Понимаете, сколько лучших претендентов окажется впереди безвременно ушедшего главаря уличной банды в этой длинной очереди?

Разум говорил: мне все равно конец. Добровольный и немедленный, он будет легчайшим из вариантов смерти, предоставленных на выбор судьбой. Вот только глупые инстинкты в голос вопили, что в семнадцать лет умирать непозволительно рано, и совладать с их отчаянным протестом было трудно.

Я не заметил, как шевельнулась, приподнимаясь на локте, фигура, распростертая на самом краю безопасного круга и вопреки всеобщему настрою бежать подальше поднялась и неровным шагом поковыляла ко мне.

Подсолнух стоял на ногах не тверже моего и рухнул в двух шагах от конечной цели. Однако же упал он в нужном направлении и мою руку с ножом перехватить успел. Наверное, это

было странное зрелище — два раненых человека, сцепившихся в борьбе посередине огненного кольца.

— Ты чего творишь, придурок? — шипел Подсолнух, из последних сил пытаясь отобрать у меня нож.

— Сам придурок, я не могу этим управлять! Пусти, а то все сдохнем!

— Ну да, не можешь! — процедил сквозь зубы друг. — То-то Трехпалый с его громилами первыми запыльхали! Твоя сила, значит, ты и управляешь! Давай кончай здесь дурака валять!

Спорить с ним дальше я не стал. Попросту не было времени на то, чтобы растолковать болвану, что наблюдаемое вокруг — это еще не прорыв, а его предвестники. До настоящего прорыва остались считанные мгновения, и единственный надежный способ его предотвратить я уже упустил. Десять комет и падающая звезда! Ведь управляют же этим как-то ученые чародеи! Значит, и у меня должно получиться. Давай, Чертополох, соображай, как спасти от себя тех, кого подбивался защищать!

Я еще успел прикинуть что-то наподобие канала, уводящего силу в единственном безопасном направлении — вверх, когда последние сдерживающие заслоны рухнули, и магия рванула из меня сырым неоформленным потоком, нимало не напоминающим аккуратные плетенки в коридорах Проклятого дома. А потом, совершенно как в памятном опыте на лужке, меня накрыла тьма.

ГЛАВА 2

Лежать было мягко. Это ощущение оказалось первой законченной мыслью, возникшей в моей голове. Из нее последовали другие, не менее глубокие. Что голова у меня до сих пор есть, а также тело, которому так хорошо валяться на теплой, приятной на ощупь постели (ведь это постель, да?). А значит, я еще не умер.

Было во всех этих ощущениях что-то родное, давно забытое, из детства. Больше десяти лет прошло с тех пор, как я в последний раз засыпал в кровати на перине, с подушкой, одеялом и прочими положенными принадлежностями.

Забывшись, я попытался от души потянуться. Делать этого не следовало совершенно. Раненая рука и нога напомнили о

себе весьма неоднозначно. Я сдержал готовый вырваться стон. Осторожность спасла не одного уличного парня. А я до сих пор не понимал, где нахожусь, и демонстрировать свой приход в сознание не спешил.

«Неужели казематы Академии?» — подумал я, восстанавливая в памяти события, предшествующие попаданию в эту замечательную постель.

Да нет, вряд ли. Что за смысл им меня в живых оставлять, да еще и лечить — а осторожная проверка показала, что мои раны перебинтованы на совесть. Ладно еще был бы я каким-нибудь отступником, предателем или за что они еще там друг с другом разбираются. Тогда я мог бы понадобиться для дознания и суда. А дикий ринский маг — готовый смертный приговор, без всяких обжалований. Уничтожить на месте.

Не без содрогания я припомнил сгорающих заживо людей и расплавленную землю. Ощущения были двоякие. Будь я сторонним наблюдателем, за такое бы сам себя уничтожил. Но я-то знал, что ничего подобного на самом деле не желал. А вышло все исключительно из-за моего неумения. М-да. Хилое какое-то оправдание.

Ладно. Не будем пока об этом. Для начала не мешает разобратся, где я все-таки нахожусь.

Приняв за исходный вариант то, что добрых людей, приютивших беглого мага, все же стоит считать друзьями, хотя бы временными, я рискнул приоткрыть глаза.

Сквозь сомкнутые веки можно было понять, что вокруг светло. Теперь стало ясно, что свет дневной и распространяется от окна. Довольно большого, без всяких решеток. Точно не тюремный лазарет. Хвостатые кометы, это сколько ж я должен был проваляться, чтобы прошло и Таинство, и ближайшие к нему сумеречные дни!

Взгляд мой упал на край одеяла, и новое потрясение обрушилось на мою несчастную голову. «Ну ничего себе постелька!» — только и смог я подумать. Шелк. Настоящий дорогуший шелк, и кто-то не поскупился положить его под заляпанное кровью и грязью тело раненого бандита. Хотя, кажется, сперва меня все же отмыли. Но это ничего не меняет. Такие раны, как у меня, всегда кровоточат поначалу. Загадочный некто, представивший мне убежище, просто невозможный транжира.

«Или очень хочет пустить пыль в глаза», — зародилась у меня более правдоподобная идея. Больше я не успел придумать ничего толкового, потому что на меня налетел вихрь, сорвавшийся из дальнего угла комнаты.

— Чертополох! — визжал вихрь, припрыгивая в аккурат по самым болезненным точкам моего израненного тела. — Живой! В себя пришел! Наконец-то! Мы уже не знали, что думать!

Я как раз собрался заявить, что от такого обращения сдохну незамедлительно, как вдруг почувствовал, что мне самому передается этот безумный восторг. Небесные Братья, а я ведь и правда выжил! Показал неприличный жест звездам, за что-то так меня невзлюбившим, и остался живой! И валяюсь, всем на зло, на роскошной шелковой постели, и меня обнимает, хоть и не очень бережным образом, симпатичная девушка. Совершенно не худший расклад, даже если эта девушка — самая ядовитая на свете Змейка...

— Змейка! Живая! — вскричал я, сгребая ее в неуклюжие объятия.

Ответом мне послужил поцелуй — горячий, страстный и отнюдь не товарищеский. Мы самозабвенно целовались в охватившем нас взаимном порыве, утверждая победу жизни и молодости над всеми происками судьбы, пока не опомнились — тоже разом. Вспомнив, кто мы такие и почему продолжать наши действия не стоит, мы оторвались друг от друга, растрепанные и раскрасневшиеся, и я тотчас же заметил изменения во внешности боевой подруги. Змейка подняла руку, стаскивая с волос разболтавшуюся ленту, — вместо толстой косы по шее хлестнули короткие, неровно обкромсанные пряди.

— Сгорели, — пожалала плечами девушка, заново собирая нелепый куцый хвост. — Отрастут.

Мы вновь замолчали. Надо было что-то сказать, чтобы не множить нарастающую между нами неловкость. И я сказал:

— А язык-то и нераздвоенный...

Вопреки сложившимся традициям Змейка не попыталась придушить меня на месте.

— Зато ты, как положено, весь в колючках, — проворчала она, проводя ладонью по моей небритой щеке. Роскошью бороды я пока не могу похвастаться. Она у меня растет какая-то пегая и клочковатая. Но щетина — да, что надо получается.

И тут произошло нечто уж совершенно из ряда вон выходящее. Честное слово, я меньше удивился бы, оказавшись со Змейкой в постели. Ну, то есть она, конечно, и так забралась ко мне на кровать, но вы поняли, что я имею в виду. Естественно, пока она с Подсолнухом, а у меня есть Тай, ни о чем таком не могло идти и речи, но сама ситуация казалась вполне возможной. А вот плачущая Змейка — это что-то из области невероятного. Но она и правда плакала.

— Сорняк ты глупый! — всхлипывала девушка, уткнувшись мне в плечо. — Дурак без звезды над головой! — Каждое очередное заявление о моей умственной ущербности сопровождалось чувствительным тычком под ребра маленького острого кулачка. — Мы уж думали, ты никогда не очнешься! Так целыми днями и сидели по очереди! Я, Подсолнух, княжна твоя придурочная...

— Подсолнух, он как, в порядке? — встрепенулся я, вспоминая, что в последний раз, когда я видел друга, назвать его дела хорошими было сложно.

— Да что ему будет! — отмахнулась Змейка. — Еще один дурной живучий сорняк. Поднялся давно, прыгает. Ты ведь шесть дней без памяти провалялся!

Я нахмурился. Ответ на следующий вопрос не обещал быть столь обнадеживающим, но я был обязан его задать.

— А кто из наших вообще живой?

— Костыль. Рябой. Звездочет. Оглобля. Ну, разумеется, девчонки и мелочь.

Семеро. Семь выживших бойцов из почти трех десятков. Считаю Змейку, совершенно бесполезную там, где требовалась незамысловатая грубая сила... И меня самого. Не годного теперь вообще ни на что. Нет, не в ранах дело, они-то заживут, и сила магическая восстановится. Но стоит мне теперь высунуть нос из укромной щели, как явится по мою душу боевой отряд чародеев. Много толку с такого «главаря», что даже на улицах своих появиться не может!

— А с районом что? — спросил я.

Змейка невесело хмыкнула:

— Тебе из хороших или плохих новостей? Если хорошее, то у нас теперь есть мостовая. Такая, что вся Подкова обзавидуется. Один сплошной камень. Ну а плохого... Пекарня сгорела. И Клаура мастерская. Дальше затушить успели. Ну, и в дру-

гую сторону по улице тоже хорошо погорело, туда как раз ветер шел.

С запозданием до меня дошло, что с гибелью Трехпалого и Ящера бывшие владения Кота теперь принадлежат тоже мне. И не только они. А все, что эти злобные уроды, чтоб им перерождения не видать, успели под себя подгрести. Только толку-то с того! Всемером удерживать район, уже сравнимый с вотчинами Угря и Безухого? Не смешно. Тут при своем хотя бы остаться. Гадство! А ведь начинать заново будет куда труднее. В прошлый раз меня спасла исключительно неприметность. Теперь громкой славы никак не избежать. Зная о моей нынешней слабости, охотники попробовать на зуб «того самого» Чертополоха слетятся, как чайки на мусорную кучу. Можно, конечно, бросить клич и набрать людей не глядя. Но что потом делать со всем этим сбродом? Чем я стану отличаться от того же Ящера? Обиженных лично им — единицы. Ну, наберется десяток-другой леденящих душу историй. И все. Тех же, кто обижен его людьми, гораздо больше. Во много раз. И не говорите мне, пожалуйста, что безвыходность диктует жесткие меры. Есть черта, за которую нельзя переходить, или не отмоешься потом никогда. И... Звезды падучие, опять я забыл о чародеях! Начать заново теперь не «труднее». Начать заново теперь невозможно. Вообще. Ты в бегах, придурок несчастный, тебе свою бы шкуру спасти, а не думать о банде!

— Слушай, Змейка... А, собственно, мы где? И как вам удалось меня спрятать от чародеев?

Девушка заметно сникла.

— Ты только не ругайся сразу, а? — предупредила она.

Такое начало мне совершенно не понравилось. А уж от продолжения стало совсем нехорошо.

— Это логово Угря.

— А почему не мир ящероловодов? — мрачно осведомился я. — Тоже хорошее убежище. Шасть за Врата — и точно никто не найдет. Ни нас, ни наших обглоданных косточек.

Наконец-то Змейка стала похожей на саму себя.

— Ну, когда великий маг Чертополох придумает, как эти Врата открыть, тогда и пойдем, — прошипела она, зло сверкая глазами. — А что мне вообще было делать, а? Вы с Подсолнухом валяетесь — бревна бревнами. Вокруг пожар, а на подходе чаро-

деи. Костыль, болван, с крыши сиганул, вторую ногу поломал. А тут Угорь. И помощь предлагает.

Я не поверил своим ушам.

— Так он что, сам пришел?!

— А то! Мне что, надо было сказать: «Извини, мы лучше тут сами порем?»

— Странно все это, — нахмурился я. — Он сказал хоть, что ему от нас нужно?

Змейка вздохнула. Несмотря на обычную ершистость, она явно ощущала вину за то, что привела остатки банды в западню. Чем расплатиться по долгам с Угрем, проще сразу в реку с камнем на шею — даже не начиная попыток.

— Не сказал. Скользкий, зараза. Но, по-моему, ему нужен ты со своим даром.

Ну что ж... В таком случае вполне объяснимы и шелковые простыни, и все остальное. Знать, позарез нужен, раз не побоился возможной ссоры с чародеями, да так старается намекнуть, насколько хорошо живется и мягко спится под его крылышком. Вот понять бы только, на кой мог сдать кому-то необученный маг, лишь на то и способный, что плавить мостовые да устраивать пожары на полрайона?

Тому, кто никогда не слышал про Лиха Угря, могла показаться невероятной даже мысль о том, что вот этот симпатичный человек имеет какое-то отношение к бандитам. Ну, разве что ограбили его когда-то в темном переулке. И уж точно никому и в голову не пришло бы, что уважаемый господин Лианак Аларо — один из двух знаменитых бандитских князей Стрелки.

Было Угрю что-то около пятидесяти, но выглядел он моложе своих лет. В том видели заслугу родни по линии жены — бастарда известного магического семейства. На белую кость Лих, как ни старался, не тянул. Изъяны простецкого воспитания давали о себе знать, это было видно и мне, понятия не имевшему о том, что и как принято у благородных. Благородного можно узнать даже обряженным в лохмотья, которых постыдится иной нищий. Угорь оставался простолюдином в одеждах, достойных князя. Хотя в какой-то мере его можно было назвать представителем древнего рода. Отец, дед, прадед и остальные предки

по мужской линии, которых он мог назвать не меньше троих, промышляли разбоем на улицах Стрелки. Но только Лиху удалось забраться столь высоко. Чем-то он походил на преуспевающего купца, обивающего серебряными¹ листами пол в отхожем месте, лишь бы в очередной раз показать собственное богатство, но в целом вел себя с окружающими дружелюбно и просто. Несложно было обмануться этой личиной, посчитав Угря человеком неплохим, хоть и недалеким. Кое-кто периодически и обманывался и начинал рвать на себе волосы, лишь запутавшись в Угровых происках, как мошка в паутине.

Сейчас Лих изо всех сил изображал радушного хозяина. В его понимании, правда, это сводилось к усиленному хвастовству собственными богатствами. Я слушал вполуха благодушные рассуждения о винах Золотого побережья, доставляемых его личным поставщиком. В качестве наглядного образца передо мной красовался уже не помню какой по счету бокал очередного года и урожая, которые казались мне на цвет и вкус совершенно одинаковой кислятиной. Глубоко подозреваю, что Угрю — тоже. Переклея однажды его хваленый поставщик ярлыки на бутылках, Лих бы не слишком расстроился, даже не заподозрив подмены.

Не рухнуть носом в стол от продолжительного знакомства с гордостью Золотого побережья позволяло достойное к ней сопровождение — молочный поросенок, запеченный с сыром, овощами и фруктами, украшенный зеленью и приправленный соусом, название которого я благополучно забыл. Все, кроме самого поросенка, я посчитал явным излишеством, но особо возражать не стал.

Куда больше вина меня занимал танцующий журавль на бокале. Этот кусок стекла один стоил дороже большого хрустального сервиза, а все дело было в том, что при его создании использовалась магия. Журавль не был нарисован, как это делается обычно. Магия заставила разноцветное стекло лечь тончайшим сложным рисунком, на котором, присмотревшись, можно было разглядеть каждое перышко. Я до сих пор чувствовал ее следы. Они казались ласковыми, теплыми, мягкими, завораживающими, словно вода или огонь. Я поймал себя на несвойственном желании тайком су-

¹ Серебро хорошо принимает магию, поэтому на Тар-Аларе ценится больше других металлов, включая золото.

нуть вещицу в карман, чтобы иметь возможность любоваться на нее когда угодно. А там, глядишь, и пойму, как оно устроено. Почему в мире все так несправедливо! Люди вроде Угря покупают вещи, интересуясь лишь ценой. Вряд ли Лих понимает даже, что бокал с журавлем попросту красив. Попадись ему вместо него огромный серебряный кубок, отделанный камнями размером с орех, он обрадовался бы еще больше. А уж того, что привлекает в этой вещи меня, ему вообще не увидеть. Но он владеет ею, а я могу лишь глядеть и вздыхать украдкой.

Когда желание спереть бокал начало становиться нестерпимым, я понял, что разговор надо кончать.

— Знаешь, Угорь, — прервал я красноречивые излияния хозяина дома, — я, конечно, очень ценю твое внимание... Но скажи уж наконец, на кой тебе понадобилось вытаскивать меня из лап чародеев?

Лих посмотрел на меня с укоризной:

— По-твоему, я не мог помочь просто потому, что ты попал в беду?

Я расхохотался. Жестко и коротко. Если честно, где-то в глубине у меня до сих пор теплятся понятия о том, что следует верить людям на слово, не совершать дурных поступков, любить окружающих и приходить на помощь всем, кому она нужна. Но попытайся я хоть словом намекнуть об этом даже своим товарищам по банде, они смеялись бы точно так же, как я сейчас.

— Ну уж за дурака-то меня не держи, Угорь!

Хозяин дома сокрушенно покачал головой:

— Эх, молодой ты еще, Чертополох, колючий. Когда-то я тоже был таким. Считал, что в каждом деле должен быть интерес... Но да. Увы, ты прав. Я действительно надеялся на некоторую благодарность с твоей стороны. Только не думай, что я собираюсь к чему-то тебя принуждать. В оплату долга вроде как. Звезды свидетели, нет.

Я лишь насмешливо фыркнул:

— И чем таким я могу тебе помочь? Заливать расплавленным песком особо важных врагов? Только учти, я этим не то чтобы сильно управляю. Могу и подпалить чего случайно.

Угорь скорчил крайне обиженную рожу.

— С особо важными врагами я давно разобрался сам, — поморщился он. — Но сейчас назревает другая проблема. И каса-

ется она далеко не одного меня. Скажи, Чертополох, ты никогда не задумывался, как несправедливо то, что некоторые имеют все буквально от рождения, тогда как другим заказаны дорожки к самым простым благам?

— Да, почитай, каждый день думаю, — огрызнулся я. — Но уж никак не мог представить, что это может волновать тебя.

Не хотел я его злить, как-то само оно вырвалось. Уж больно трепетную тему затронул бандитский князь. Но Угорь лишь добродушно погрозил пальцем:

— Ты меня к этим бездельникам не приплетай. Все, что ты здесь видишь, я добыл своими силами. Но кое-кто и рукой не шевелит, чтобы получить то же самое. Я имею в виду чародеев из Академии. А потом ведут себя так, будто лично над ложем Небесных Родителей свечи держали. Вчера на их «правосудие» нарвался Черный Паук, и в целом — за дело. А завтра может пострадать любой другой, и без всяких причин. Потому что какому-то чародею будет скучно и захочется развлечься. Вот что волнует меня. Пора их остановить. Ты так не думаешь?

Именно так я и думал. Еще как думал! На разговор к Угрю я шел с твердым намерением держать ухо востро и отвертеться по возможности от любых совместных дел. Но он меня все же поймал. Академию я ненавидел с детства. Проклятую Академию с проклятыми правилами, поставившими меня вне закона за одно лишь появление на свет.

— У тебя есть идеи, как можно это сделать? — просто спросил я.

Лих печально усмехнулся. На какой-то момент на его молодежском лице прорезались все морщины, соответствующие настоящему возрасту.

— Идеи-то есть! Да что с них толку, когда, по сути, магу может противостоять лишь другой маг. Академия переживает не лучшие времена. От былой дисциплины там не осталось и следа. Когда-нибудь эти крысы обязательно сожрут друг друга в своем подвале. Но для всех нас может оказаться уже слишком поздно. Я более чем уверен, ты не один такой в Стрелке, кто прячет магический дар. Поодиночке вы слабы и уязвимы. Но если появится место, куда любой скрывающийся от Академии сможет прийти без опаски и оказаться среди других таких же, вы станете силой.

Как же мечтал я о таком месте, коротая зимние ночи у костра в развалинах за Пьянчугиной Пропастью, вместе с Подсолнухом и другими бродяжками! Обычная мечта беспризорного сироты — богатые и любящие родители, у которых он был украден в детстве. Несомненно, эти достойные люди уже с ног сбились, разыскивая свое потерянное чадо, и будут безмерно счастливы его обрести. Я никогда не придумывал ничего подобного. Мама умирала у меня на глазах, а отец... Несомненно, он у меня имелся. Но ни разу в жизни я не пытался его даже представить. Потому что не понимал, кем надо быть, чтобы бросить на произвол судьбы самую лучшую на свете женщину — мою маму. Когда я подрос, мои представления о собственном происхождении изменились в более практичную сторону. Я точно знал: будь мой отец хорошим человеком, которого мама любила, пусть крайне недолго, она рассказала бы о нем. Честно, не придумывая лживых сказок о прекрасном княжиче, сгинувшем на чужбине. Но я так и не услышал от нее ни слова. А значит... Даже если произойдет чудо и я его отыщу, то вряд ли случайный проезжий, проведший ночь со служанкой в трактире, прослезится от радости, увидев на пороге плод этой мимолетной встречи. Именно потому в своих мечтах я представлял не родителей, как остальные мальчишки. Мне виделся учитель. Такой же, как я, маг без роду и племени. Он смог избежать всех происков Академии, нашел тайный свиток древних, выучился всевозможным заклинаниям и теперь вернулся в родную Стрелку искать сторонников, чтобы как следует проучить чародеев, считающих нас грязью под ногами.

— Хорошая идея, — сказал я Лиху, припоминая свои детские мечты. — Жаль, неосуществимая. Понимаешь, Угорь, то, что я натворил в Таинство, может, и смотрится внушительно, но на деле я просто выбросил силу, едва не положив всех без разбору. И шесть дней валялся трупом. Притом, более чем уверен, хватило бы самого обычного магического щита, чтобы это остановить. Просто чародея рядом не оказалось. Вот и думай, сколько навоюют против Академии такие «великие» бойцы.

Похоже, именно этой реакции Угорь и ждал. От глаз его разбежались лучики довольной хитрой улыбки.

— Ладно уж, — сказал он. — Не будем говорить голословно. Хватит на стакан пялиться. Пойдем, я тебе покажу кое-что поинтереснее.

Ноги у меня порядком потяжелели от вина, а желудок — от мяса. По уличному обыкновению я наедался впрок, ведь неизвестно, когда могло повториться такое везение, как сытный обед. Даже последние благополучные годы не смогли избавить меня от этой привычки. Обосновавшись в спокойном тихом местечке, я, наверное, вмиг стану круглым, как яблочные плюшки дядьки Нила, с таким-то аппетитом! Хотя какое там тихое местечко, когда чародеи идут за тобой по пятам! Двигаться было крайне неохота, но любопытство пересиливало любую лень. Угорь, скотина, подметил, как я глядел на тот бокал. А уж коли он обещал «поинтереснее»... Ломая голову предположениями о том, что бы там могло оказаться, я похромал по извилистым коридорам вслед за хозяином дома.

Это на первый взгляд здание производило впечатление неуклюжей попытки перецеголять княжеский дворец. Что же касается второго... Я оценил по достоинству запутанные переходы и крутые лестницы без единого окна, но с желобами для смолы и масла для обороны. Этот дом можно было осаждать не хуже иной крепости — да так и не взять.

Тем временем Угорь решил слегка удовлетворить мое любопытство:

— Скажи мне, Чертополох, что ты знаешь о магах, которые жили здесь до нас?

Я лишь пожал плечами:

— Всегда был уверен, что это выдумки.

— А вот это зря.

Часть дома, по которой мы двигались, показалась мне отличной от всего остального. Коридоры шире и прямее, а потолки выше, без обильной тяжелой лепнины по углам. Все казалось проще, строже и как-то... Благоднее, что ли?

— Я построил этот дом вокруг развалин другого здания, — объяснил Угорь, поймав мой оживившийся взгляд. — Это как раз старая часть. Думаю, после Проклятого дома ты вполне понимаешь, сколько сюрпризов могут хранить подобные руины. — Дождавшись моего кивка, он продолжил: — Однако в данном случае я точно знал, чего искать.

Мы вошли в просторный зал, уставленный длинными рядами полок с книгами. Я удивленно заморгал, переводя взгляд с библиотеки на ее владельца: уж больно забавно и нелепо было

представить бандитского князя с томиком какого-нибудь древнего философа в руках. Мое замешательство изрядно развеселило Угря.

— О нет, это все не мое. Пытался как-то... Не осилил. Здесь хозяйничают жена с дочками. Как угораздило меня с чародейским родом связаться, так и все не по-человечески... У других вон бабы с тряпками да жемчугами всякими носятся, а мои... Нет, этого добра у них тоже хватает. Но как заведут вечером спор: «Нет, у Вилиара в сонетах слог уж больно суховат, а вот Альсен — само изящество...» — Лих забавно передразнил высокий женский говорок, — так и сидишь дурак дураком, боишься чего ляпнуть, чтоб на смех не подняли. Мой тебе совет, Чертополох, как женишься — в тот же день нарежь розог корзину, и чтоб глаз жена не поднимала. А не то сядет на шею, не заметишь как. И потом уже сам плеч не распрямишь.

За этой болтовней Угорь деловито ощупывал резные каменные листья, окружающие портал большого камина. В то, что Лих — благодушный подкаблучник, которого пытался из себя изобразить, я не верил ни на мгновение. Наконец, невзрачный листок с самого края подался вглубь. С легким, едва слышным шелестом задняя стена камина ушла вбок, открывая темный низкий проход. Подтверждая безопасность, Угорь шагнул туда первым. Привычным движением снял с крюка у входа масляный фонарь, высек огонь, поджигая фитиль, и махнул рукой, приглашая меня следом

Из уходящего вниз коридора веяло холодом и сыростью. Но мне уже было все равно. Я заметил оплетающие каменные блоки синеватые ленты магии. Судя по всему, именно они приводили в движение стену. Если я понял все правильно, здесь тоже не будет ни массивных воротов, ни толстых цепей, ни тяжелых противовесов, а всего лишь такой же небольшой рычаг, как с другой стороны. Я взялся было проследить по направлению магических плетений, где он находится, когда Угорь надавил на выступающий камень в углу площадки. Магия хлынула по синим «жилам» плетения искрящим ярким потоком, оживляя дремлющее заклинание. Дверь потайного хода вернулась на место так же тихо, как открылась.

Наверное, я был похож на деревенского дурачка, которого привезли в город на дворцовую площадь. В Проклятом доме я

успел повидать немало магических плетенок, но все они казались одинаковыми до скуки. Пустить своего, уничтожить чужого — вот и весь их смысл. Единственной забавной штукой, доставившей немало хлопот, было то, что я обозвал блуждающим сторожем. Пришлось порядком помучиться, чтобы обезвредить этого магического часового, не доложив о том всей Академии. В итоге мне удалось сбить заклинание с толку при помощи старого тулупа, который оно по счастливой случайности, сочло врагом. После нескольких неудачных попыток тулуп получилось зашвырнуть прямо в центр ядовито-зеленого клубка, и сторож сошел с ума, не понимая, в каком направлении атаковать. Новички всегда смеялись, глядя, как ребята с опаской обходят валяющийся на земле драный тулуп. Они ведь не могли видеть кружащую над ним зеленую дрянь! И быстро затыкались, узнав, что именно этот «тулуп» лишил Костыля ноги.

Механизм двери оказался для меня первым заклинанием совершенно другого вида и назначения. Не знаю, сколько еще я бы проторчал столбом, глаза, не напусти Угорь о том, что основная цель путешествия впереди.

— Пойдем дальше, — сказал бандитский князь. — Если будешь застревать на каждой магической штуковине по дороге, до главного мы и за год не доберемся.

Низкая крутая лестница уводила вглубь. Мне показалось, что ход слегка изгибается, но сказать наверняка было сложно: единственный источник света, лампа в руках Угря, давал разглядеть лишь стены вокруг да несколько ближайших ступеней.

Наконец лестница кончилась, и мы оказались в новом коридоре. Он тоже был довольно низким, но хотя бы позволял идти рядом, что при наличии одной лампы на двоих являлось немалым достоинством. Запашок стоял такой, будто Угорь прячет здесь трупы негодных. Возможно, так оно и было. А возможно, просто крыса сдохла.

— Так вот, о магах... — Лих продолжил прерванный рассказ. — Все это правда. Когда-то в Рине была магическая школа, знаменитая на всю Адалию. Ниранская Академия ходила перед ними на цыпочках, лишней раз дохнуть боялись. Но потом все пришло в упадок. По старой памяти все еще чтут былые договоры и границы... Не знаю, может, и есть еще где те маги, но тут их лет триста как не видели.

Окончание хода я почувствовал заранее. Пришедшее изда- лека ощущение холода подняло на коже каждый волосок. Тут вообще, надо сказать, не летний полдень был, но бывший бес- призорник не благородная девица, чтобы кутаться в меха от любого ветерка. Я украдкой глянул на Угря. Похоже, он ничего не чувствовал. Или привык... Хотя сомневаюсь, что с таким можно свыкнуться.

— Эй, Чертополох, ты там в порядке? — забеспокоился Лих, заметив неладное.

Мне хотелось... Не знаю, чего хотелось. То ли в плясовой пройти, то ли орать во всю глотку песни, то ли морду кому на- бить. Такого возбуждения я не ощущал никогда. Ни в драке, ни на пьянке, ни с девчонкой — нигде.

— Жить буду, — отозвался я, клацая зубами от сотрясающей тело крупной дрожи, и наконец-то понял, что это такое. — Там впереди — большая магическая жила.

Угорь нахмурился с умным видом, явно не желая показывать, что ничего не понял. Вообще-то я не склонен лезть к людям с раз- ными умностями, пока не попросят, но от близости жилы возница в моей голове уже бросил кнут с поводьями, и я принялся вооду- шевленно объяснять, помогая для убедительности жестами:

— Есть магия внутри, а есть магия снаружи. Той, что внутри, недостаточно. Если нечему откликнуться, сила рассеется и уйдет. Эта внешняя магия — она везде. Где-то больше, где-то меньше. А тут — жила.

На том моя способность излагать знания исчерпалась. В спокойном состоянии я, наверное, объяснил бы лучше, но в данный момент каждое из произнесенных слов казалось мне исполненным мудрости и смысла. Совершенно счастливый, я начал насвистывать под нос известный похабный мотивчик.

Но суть Лих, кажется, ухватил. По крайней мере глубоко- мысленное выражение на его лице сделалось чуть менее натя- нутым.

— Вот оно, значит, как. Не знал. А дает эта жила, похоже, не хуже травки-южанки... Эй, куда рванул, дурень?!

Угорь успел поймать меня за шиворот за мгновение до того, как перед лицом нарисовались тонкие, будто паутина, нити ох- ранного заклинания. Еще шаг, и не стало бы колючки Чертопо- лоха. Смешно?

— И большие они, эти ваши жилы? — хмуро поинтересовался бандитский князь.

— Понятия не имею, — хихикнул я глуповато. — Такую здоровую впервые вижу. Красивая.

За сверкающей решеткой смертоносного заклятия переливалась приглушенным светом жила, похожая на рассеянный фиолетовый туман. То там, то здесь светлячками вспыхивали и гасли яркие разноцветные искры.

— Ладно, пошли, — принял решение Лих, вытягивая из-за ворота цепочку, на которой висел странного вида амулет. Маленький, как игрушка, ножик — с палец размером. Его несерьезный вид вызвал у меня очередной приступ хихиканья, но Угорь, похоже, уже смирился с присутствием окончательно уехавшего со всех трактов мага. Не обращая на меня внимания, он извлек «игрушку» из ножен. По тонкому лезвию прорезалась темными венами плетенка спящего заклинания. Любопытно — пока артефакт находился в ножнах, я совершенно его не ощущал. Поморщившись, Лих резанул артефактным ножиком чуть выше запястья. Соприкоснувшись с его кровью, заклинание проснулось, делаясь насыщенно-алым. Не задумываясь, Угорь очертил в воздухе сложную фигуру, несколько раз коснувшись ножом линий охранного плетения. Он не мог их видеть, но движения были отработаны настолько, что этого не требовалось. Примерно так же учил я ребят вслепую пробираться через ловушки Проклятого дома.

Крохотная часть моего одурманенного магией сознания оставалась совершенно трезвой, выполняя роль стороннего наблюдателя, подмечающего все до мелочей.

— Вперед, — сказал Угорь, подталкивая меня в спину, когда паутинные нити, истончившись, угасли.

Полегчало мне в соседнем коридоре по ту сторону жилы. Не то чтобы отпустило совсем, — больно уж много магии было вокруг. Легкое возбуждение осталось, но я уже вполне мог держать себя в руках.

Стены переливались магическими плетенками, назначения которых я не мог и представить. К каждой из них тянулись подпитывающие веточки, исходящие из жилки по центру коридора. Теперь я отчетливо понимал, что все эти жилки — так же, как и огромная при входе, — неестественного происхождения.

Их создавали и поддерживали вмонтированные в пол артефакты, сферы из прозрачного, светящегося изнутри хрусталя. Окончательно забывшись, я попросил Угря притушить лампу, мешавшую мне любоваться этим великолепием. Тот, к удивлению, послушался, хоть и ненадолго.

— Мой прапрапра и так далее наверняка бы меня проклял, узнав, кем я стал и как использую его наследство, — усмехнулся Лих, вновь зажигая свет. — При магической школе состояли несколько отрядов обычных бойцов, что-то вроде гвардии. Не везде же чародеям бегать, иногда и простых смертных хватит, чтобы решить дело. Мой предок командовал одним из них. А потом маги ушли. Сразу и без объяснений. Некоторое время солдаты пытались еще поддерживать порядок, но не слишком успешно. Ниранская Академия постепенно набрала силу. А здесь образовалась Стрелка. Клоака, от которой добропорядочным людям стоит держаться подальше... Значит, говоришь, подземелья полны магических штук?

— Они здесь повсюду, — кивнул я.

Угорь расплылся в довольной улыбке:

— Ну вот, видишь. Мне-то катакомбы всего несколько раз сгодились, провести доверенных бойцов в тыл врагу. Думаю, ты найдешь им лучшее применение. Лабиринт идет под всей Стрелкой. Центральная часть закрыта, для нее нужны другие ключи, они были лишь у магов. Но и здесь полно интересного. Пойдем, покажу тебе тренировочный зал.

Чем глубже мы заходили в катакомбы, тем более обихоженной становилась обстановка. На стенах появилась облицовка, плетения сделались сложными, ажурными. Заклинания сами по себе красивая штука. По крайней мере те, что попадались мне до сих пор. Но эти казались выплетенными с особой, нарочитой тщательностью и даже некоторым излишеством. По мере нашего приближения заклинания наполнялись силой — ровно, без искр и сполохов, — и так же неторопливо гасли, оставаясь за спиной.

Угорь чуть задержался, прикручивая фитилек лампы. Поначалу я не придавал тому значения, потом оторопел, сообразив, что обозначать это может лишь одно.

— Ты что, видишь плетения? — изумленно спросил я.

— Эти светящиеся белые узоры? — Лих пожал плечами. — А что, не должен? По первому разу жуть от них брала. Потом привык.

— Почему белые? Они же разноцветные.

— Это у тебя, что ли, с жилы той в глазах до сих пор рябит?

Чем-то наше общение напоминало разговор слепца с полным невеждой. Через некоторое время я догадался, что белые ажурные плетенки предназначены для освещения. Примерно как изготавливаемые чародеями Академии магические фонари. Те, правда, стоили безумных денег, и неясно, чем больше служили — источником света или показателем благосостояния владельца. Кстати, во всем доме Угря я ни одного почему-то не встретил... Как и вообще серьезных магических предметов. Я уже хотел было задать Лиху вопрос, но не успел. Мы как раз переступили порог обещанного зала, и посторонние мысли мгновенно вылетели у меня из головы.

Мягко вспыхнувшее освещение открыло площадку-балкон, переходящую по бокам в круговую галерею, тянущуюся вдоль стен. Потолок здесь был роста в четыре, не меньше, но увеличение высоты шло не вверх, а вглубь. Свободные помещения подобного размера мне доводилось до сих пор видеть только в храмах. Но даже не это поразило меня в первую очередь. Вдоль стен почетным караулом выстроились хорошо помятые доспехи, части которых крепились друг к другу при помощи магии. Только вот плетений было больше, чем требовалось для того, чтобы просто удерживать в воздухе эти груды металла. Гораздо больше.

Не веря собственным глазам, я рванул вниз по широкой мраморной лестнице в центре балкона, забыв о всех своих ранах. Големы. Забудь меня звезды, это они! И в отличие от сказочных собратьев, непременно помогавших создателям в каких-нибудь жутких и темных вещах, здесь они служили самому банальному делу. Судя по количеству вмятин и дыр на железных боках, големы исполняли роль тренировочных чучел. Но если соломенные и деревянные болваны лишь покорно стояли в ожидании удара, то эти вполне умели отвесить сдачи. А еще с ними можно было сражаться в полную силу, не опасаясь убить или покалечить.

За искусственными бойцами я не сразу обратил внимание на стойки, полные всевозможного оружия. Тоже учебного, по-

рядком побитого. Пойдите... Это ведь значит, что можно посмотреть на голема в действии! Прямо сейчас! Я принялся лихорадочно озиаться в поисках чего-нибудь, напоминающего привычные ножи. Большинство представленного здесь оружия не подходило совершенно. Ну что я, скажите на милость, буду делать с алебардой или двуручным мечом! Позорная же трепка от штуковины, у которой пустой шлем держится над плечами на четырех магических жгутах, в мои планы как-то не входила.

К действительности меня вернула боль в правой ноге, на которую в запале я наступил резко и небрежно. С сожалением я понял, что испытание железных воинов придется отложить до лучших времен.

— Понравились? — ухмыльнулся Угорь. Я ощутил ненавязчивое желание дать ему по морде. Крайне неприятно, скажу вам, быть вот так совершенно открытым для другого человека. — Потом наиграешься. Вот как оно работает.

Ножи он отыскал сразу. С первого взгляда видно, в Стрелке рос человек, ни на что другое глаз не ложится! Они неприметно пылились с обратной стороны стойки, словно стесняясь собственного неблагородства. Легкое постукивание по железному плечу оживило ближайшего истукана, вооруженного мечом и щитом. В глубине шлема моргнули из темноты два алых глаза. Призрачный рот скривился в зловещем оскале. Хвостатые кометы, ну и рожа! Такое спросонья увидишь — навеки зайкой останешься. За показ кошмарной хари отвечало отдельное плетение, почти ничем не связанное с остальными, из чего я заключил, что создатель голема был изрядным шутником: рожу он ему приделал исключительно из любви к прекрасному.

Грохоча пустыми башмаками, голем послушно поплелся за Угрем в центр зала. Разойдясь по краям размеченной площадки, противники склонились в вежливом приветствии...

— А вот так их можно обмануть, — сообщил Лих и, не прерывая поклона, метнул ножи с обеих рук одновременно. Распрямился он за мгновение до поражения цели. Железный боец дернулся было прикрыться, но не успел. Ножи зависли в воздухе внутри пустого шлема, а потом заклинание легким пружинистым толчком выкинуло их обратно.

С ужасным ревом «убитый» голем рухнул на пол и задргался в судорогах, разбрызгивая вокруг фонтаны иллюзорной

крови. Нет, все-таки веселый парень его делал. Хорошо так получилось, с душой.

Угорь подобрал оружие с пола и вернул обратно на стойку.

— Староват я уже в полную силу с ними прыгать, — признался он. — Вот и смухлевал. Атаковать и защищаться они начинают только после приветствия. Так ты сообщаешь им о готовности. А вообще они шустро машутся.

Врал Угорь, как всегда, не краснея. Будь он староват для полноценного боя, захватил бы телохранителей. А если отправился со мной в одиночку, значит, уверен: в случае чего справится. Нет, то, что ему неохота изображать призового бойца на состязании, я вполне мог допустить. Но главная причина была совсем не в этом. Лих не хотел открывать свои коронные приемы и способы драки. Другьями мы не станем, даже когда заключим союз, — а я буду полным болваном, отказавшись от такого подарка звезд. Я давно поймал себя на ощущении непривычного спокойствия. Там, наверху, чародеи не давали забыть о себе. Их близость чувствовалась постоянно, магия шумела, словно базар на соседней улице, лишь незначительно стихая на ночь. Хотя именно ночью случались порой самые бурные всплески — это очередного чародея звезды осеняли очередным гениальным заклятием, которое тот спешил опробовать немедленно. Тр-ррудяги, чтоб им! Особый пик изобретательской деятельности приходился на время перед рассветом. В такие дни я бродил с черными кругами под красными, как у ящеролуда, глазами, и настроение было под стать виду. Ребята быстро привыкли, что в подобном состоянии меня лучше не трогать до вечера. Так вот. В катакомбах я не слышал ничего, кроме мерного гула местных плетений, к которому быстро привык настолько, чтобы забыть и не обращать внимания. Совершенно отрезанный от внешнего мира кусок, где я могу разбираться с собственной силой без риска быть услышанным! Именно то, чего не хватало мне все эти годы!

Похоже, Угорь все прекрасно понимал. Он вообще понятливый, сволочь, и это просто огромнейшая проблема. Между бандитами Стрелки возможны отношения лишь двух видов — подчинение и вражда. Прогибаться под Угря я не собирался, он под меня — тем более. А значит, даже ударив по рукам, мы будем постоянно приглядываться, ожидая мгновения, когда можно безнаказанно вцепиться «партнеру» в глотку. Ну, или хотя бы от-

хватить кусок жирного мяса. Последний вариант может обернуться войной или новым витком затишья, если пострадавшая сторона решит, что сохранение перемирия выгоднее. Это не значит забудет. Бандит, не платящий сполна за нанесенную ему обиду, — скорый кандидат на свидание с Пьянчугиной Пропастью. Мсть можно отложить. Но отказаться от нее — никогда.

Подобные мысли немного притушили мой восторг, заставив взглянуть на ситуацию более трезво. Еще одно чудо напоподобие големов, и я соглашусь на любые условия. А значит, надо уладить скользкие моменты сейчас, пока остатки здравого смысла окончательно меня не покинули.

— Слушай, Угорь, — сказал я, — может, обсудим все же подробности нашей сделки? А то уж больно расплывчато оно звучит. Ты, значит, пускаешь меня в катакомбы, это понятно. А что хочешь взамен? И чем собираешься прикрываться? Ты ведь понимаешь, насколько все изменится, если дело выгорит и мне удастся овладеть своим даром. Не поверю, что ты не задумывался об этом.

По своему обыкновению Лих только беззаботно ухмыльнулся:

— Сложные вопросы задаешь. Давай начнем со второй половины. Подземелье тебе нужно позарез. Овладеешь ты даром или нет, без меня ни войти сюда, ни выйти. Чародеи из Академии давно истекают на него слюной, но до сих пор не взломали ни одного охранного заклятия. Ключ без владельца тоже не поможет, просто не сработает. Мои предки научились менять настройку на человека, но требуется близкий кровный родственник. И сделать это могу опять-таки только я. Даже став полноценным магом, ты будешь один и вне закона. Против целой Академии. Вот и думай, насколько выгодно тебе наглеть и ссориться со мной.

— А когда мы отыщем других скрывающихся магов?

— Цепкий парень, — фыркнул Лих. — А ничего не изменится. Будешь ты один, или вас станет много. В Академии все равно больше. Или ты думаешь, что горстка ринских повстанцев способна завалить ее героическим штурмом в лоб? Не думаешь? Ну и молодец. Ее придется обкладывать со всех сторон, и, сидя в подземелье, этого не сделать никак. А до начала открытых действий вы и носу оттуда не сможете показать. Без меня вам никак не обойтись, как ни крути.